

Татьяна ВАСИЛЬЕВА:

«ПЕРЕЧИТЫВАЮ ХЕМИНГУЭЯ ПО ПЯТОМУ РАЗУ»

— Не буду задавать тебе риторический вопрос в стиле Белинского, любишь ли ты театр (тут ответ очевиден), — а спрошу о твоих взаимоотношениях с литературой. Находишь ли ты время читать? Что значит книга в твоей жизни?

— Общение с книгой дарит мне сегодня такое огромное счастье, что это даже трудно передать словами. Когда есть несколько свободных часов — чаще всего это бывает во время гастролей — не могут отказать себе в удовольствии перечитать Хемингуэя, Бёлля, Ремарка, Пруста, Ирвина Шоу, Томаса Манна — моих любимых писателей, любовь к которым я пронесла через годы и десятилетия.

— То есть ты сейчас перечитываешь по второму кругу то, что в юности, молодости уже читала?

— Не по второму — по пятому-шестому разу перечитываю что-то, и каждый раз нахожу в книгах все новые мысли, грани характеров, словесные краски, которых раньше не замечала. Но и новую, только недавно пришедшую к нам литературу с удовольствием читаю: Набокова, недавно открыла для себя Сергея Довлатова — это тоже «мои» писатели. Отрадно, что сегодня можно купить практически любую книгу, которая тебе нужна. Очень интелесным, к слову говоря, кажется мне ваш «Книжный клуб», благодаря которому можно не только узнать о новинках литературы, но и получить нужную книгу прямо на дом. Словом, было бы желание и время читать.

— Вспомни, когда и как ты приохотилась к чтению?

— Довольно поздно. Родители в детстве заставляли читать из-под палки, но это возымело, естественно, обратное действие. Помню, почему-то меня принудили изучать книжку про белорусского партизана Константина Заслонова — такую, знаешь, пропагандистскую брошюру, написанную невероятно скучным, сухонным языком. Там было страниц двадцать, но я ее читала три месяца, возненавидела ни в чем не виноватого Заслонова, невзлюбила сам процесс чтения, один вид букв вызывал у меня тошноту. Это «послевкусие» могло остаться на всю жизнь, но где-то в классе шестом меня потянуло к запретному, и я стала потихоньку от родителей таскать из библиотеки Франса, Золя...

— Но ведь Золя и Франс — это классика, что же тут запретного?

— Сегодня для меня это тоже классика, а тогда была, извини, эротика, хотя слова такого я, конечно, еще не знала. Вот с тех пор и родилась у меня страсть к чтению. Так что из всей этой истории я вынесла один урок: не надо заставлять детей читать силой, не надо навязывать им свои вкусы и пристрастия — пусть желание взять в руки книгу проснется, вызреет у них само. Я рада, что моя младшая дочь Лиза потихоньку стала тянуться к чтению, сегодня она без книги вечером в постель не ложится. А что касается моего старшего сына Филиппа, то он у меня читает с четырех лет. Я

ТАК СЧАСТЛИВО ДЛЯ МЕНЯ СЛУЧИЛОСЬ, ЧТО МЫ С ТАТЬЯНОЙ ВАСИЛЬЕВОЙ ОКАЗАЛИСЬ СОСЕДЯМИ. Я СЛЕЖУ ЗА ЕЕ РОЛЯМИ В КИНО И ТЕАТРЕ, ОНА ДОБРОСОВЕСТНО ЧИТАЕТ «ТРУД». ЕСТЕСТВЕННО, ВРЕМЯ ОТ ВРЕМЕНИ Я ЗЛОУПОТРЕБЛЯЮ НАШИМ ДОБРЫМ ЗНАКОМСТВОМ, ЧТОБЫ НАПРЯСИТЬСЯ НА ОЧЕРЕДНОЕ ИНТЕРВЬЮ. В ЭТОТ РАЗ МЫ БЕСЕДУЕМ С АКТРИСОЙ СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ «КНИЖНОГО КЛУБА».

одно время даже боялась, не помещается ли он — Филипп не гулял, не играл с мальчишками, а только читал, читал, читал — случалось, что и с фонариком под одеялом. Потом эта страсть к чтению пошла на убыль, сегодня он со своей невестой все больше видеомангофон смотрит. А когда читает — то не всегда то, что мне бы хотелось. Знаешь, какая у него нынче настольная книга? Сочинения маркиза де Сада. Ну что ж, и это надо перетерпеть.

— А ты сама что читаешь сегодня?

— Ты знаешь, два месяца не брала книгу в руки — готовила сразу две премьеры в театре, было как-то не до чтения. И от того, что совсем не читала, — даже чувство какой-то своей ущербности появилось. Но на днях отшумела одна премьера, буквально вчера другая, так что пришло время «остановиться, оглянуться» и, конечно, взять в руки какую-нибудь серьезную, умную книгу. Я не люблю поверхностной беллетристики — предпочитаю заниматься себя вещами, которые предполагают медленное, вдумчивое чтение. Одно время я даже дневники вела, в которые заносила впечатление от прочитанных книг. Сегодня дневников не веду, но особо запавшие мысли выписываю — есть надежда, что таким образом они лучше запомнятся.

— Скажи, когда ты к ролям готовишься, читаешь какую-то вспомогательную литературу или надеешься исключительно на свою интуицию?

— Интуиция не безгранична. Да и было бы самонадеянно оповаться только на нее. Если это постановка классики в театре, читаю то, что связано с описываемой эпохой, героями, пытаюсь узнать, как трактовали роль мои предшественники. Когда репетировала Орестею в одноименном спектакле Питера Штайна, при-

шло погрузиться в мир античной мифологии. Я дотошно изучила, кто был тот или иной царь, от какого Бога родились те или иные дети, кто с кем и по какому поводу воевал, как и за счет чего одержал победу, ну и так далее... Без этого я бы просто не знала, как произнести тот или иной монолог, как взаимодействовать с партнерами.

Бывает, впрочем, что и без спектакля вдруг возникнет интерес к той или иной фигуре — было время, когда я буквально «заболела» Ахматовой. Я ходила в Ленинку, читала о ней редкие, уникальные книги, переписывала в тетрадку ее стихи. Я вообще люблю бывать в библиотеках — эти ряды книг, шорох переворачиваемых страниц меня буквально завораживают.

— Где тебе легче сниматься — в экранизациях классики или в фильмах по оригинальным сценариям?

— Легче и, скажем так, беззаботнее работаете, конечно, в каком-нибудь современном фильме. Здесь можно больше рисковать, можно предложить какой-то острый рисунок роли, а классика ставит перед актером определенные ограничения, рамки. Она требует большей ответственности, собранности. Зато и результат, как правило, здесь бывает значительнее.

Сейчас я готовлюсь к работе над фильмом «Бестия» — это вольное прочтение «Дуэньи» Шеридана. Словом, классика, пусть и на современный лад. Параллельно с этим начинаю работать у режиссера Борто в фильме «Цирк сгорел, клоуны разбежались». Это в полном смысле слова сегодняшняя история. Посмотрим, что получится лучше...

Вел беседу
Леонид ПАВЛЮЧИК.
Фото Виктора АХЛОМОВА.